

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ИНТЕГРАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ

М.А. Слемнев

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, mihail_slemnev@mail.ru

Цель статьи – раскрыть природу исторической памяти и обосновать ее роль в национальной идентификации белорусского народа и развитии отношений с Россией.

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, синергетические символы Беларуси, белорусско-российская интеграция.

Потребность погружения в историческое прошлое существует на любом этапе развития общества. Но особенно остро она ощущается при прохождении социума через так называемые «точки бифуркации». При выборе путей дальнейшего развития начинается активное осмысление как достижений, так и ошибок, допущенных предшественниками. Происходит своеобразное проецирование прошлого на настоящее. Все это приводит к возрастанию научного интереса к феномену исторической памяти.

Вначале о понятии «историческая память». В последнее время оно стало активно использоваться в философском, социологическом, культурологическом, политологическом и иных видах социогуманитарного дискурса. Имеется множество его определений (Я. Ассман, М. Хальбакс, П. Нора, М.А. Барг, Ю.А. Левада, Ж.Т. Тощенко и др.). Большинство из них отличается друг от друга только языковым выражением природы рассматриваемого социального явления. Встречаются и такие, которым свойственна некоторая семантическая уникальность.

В качестве рабочей, описательной дефиниции историческую память можно охарактеризовать как совокупность идей, взглядов, представлений, чувственных образов, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим как обществу в целом, так и его различным социально-демографическим, профессиональным и этно-социальным группам, а также отдельным индивидам [1]. Источником формирования исторической памяти являются жизненный опыт людей, устные предания, широкий круг нарративных материалов (учебники истории, мемуары, художественная литература, историография и др.), коммеморации (праздники, посвященные различным историческим событиям, юбилеи, дни памяти и др.), монументальные памятники, аудиовизуальные средства передачи информации (кино, радио, телевидение, Интернет) и т.п.

Многообразие форм и уровней организации исторической памяти, наличие разнообразных носителей и каналов ее трансляции дают основание для выделения различных видов исследуемого феномена. В частности, можно указать на существование идеальной, неопредмеченной и объективированной, материализованной исторической памяти. Историческая память бывает интерсубъективной, обезличенной и индивидуальной, личностной. В свою очередь, индивидуальную историческую память часто разделяют на элитарную «память ученого-историка» и память неонаученную, обычного человека. Главным источником последней является личный опыт, повседневное общение с членами родственной социальной группы. Говорят и о таком виде памяти, как официальный исторический дискурс, который политизирован и идеологизирован. В качестве особого вида исторической памяти называют также внедренную в массовое сознание с помощью системы образования и СМИ официальную трактовку исторического прошлого своего и других народов. Все названные виды памяти органически переплетаются и в своей совокупности образуют историческую память общества.

Оживленные дискуссии ведутся о соотношении понятий «историческое сознание» и «историческая память» [2]. Сравнение исторической памяти и исторического сознания явно, или, что чаще всего наблюдается, косвенно, в скрытой форме осущест-

вляется по следующим параметрам: непосредственность – опосредованность, спонтанность – сконструированность, формируемое внутри социальной группы – привнесенное извне, устный – письменный характер, увиденное – заученное. Иными словами, речь обычно идет о различных способах формирования у личности или социальной группы представлений о прошлом. Но ведь то, что и как люди помнят, обусловлено той культурой, в которой они существуют. Если отталкиваться от этой позиции, то настаивать на жестком разграничении исторической памяти и исторического сознания некорректно. Ни личной, ни коллективной «чистой» памяти нет и быть не может. Различие между исторической памятью и историческим сознанием не онтологическое и эпистемологическое, а связано с контекстом рассмотрения и «исследовательской традицией, которая, в свою очередь, сформировалась на основе определенных эпистемологических предпосылок» [2, с.187].

Историческая память выполняет ряд социальных функций. Важнейшая среди них – интегративная. Суть ее заключается в том, что историческая память как сознание, сфокусированное на знаковых событиях прошлого, формирует смысловую основу национальной и гражданской идентичности, объединяет множество разрозненных «Я» в рамках определенного хронологического, пространственно-временного континуума в целостное этно-психологическое и социокультурное «Мы».

После распада СССР потребность поиска подобных объединяющих «исторических аттракторов» остро встала практически перед всеми молодыми государствами, появившимися на постсоветском пространстве, в том числе и перед государством белорусским. Эпизоды исторического прошлого, способные стать синергетическим притягательным центром, должны соответствовать ряду требований. Основное среди них – быть выразителем ментального духа народа и, как следствие, приниматься в качестве общезначимых символов если и не всеми, то, по меньшей мере, абсолютным большинством носителей исторического сознания. При этом очень важна их одинаковая привлекательность как для молодого, так и старшего поколения людей.

Первые шаги в поиске ключевых событий и знаковых персоналий в истории Беларуси, которые могут выполнять функции объединительных национальных символов, сделаны. В первую очередь следует назвать материалы специального социологического исследования, проведенного сектором социальной и этнической психологии Института социологии НАН Беларуси в 2008 году [3]. Заслуживают также внимания результаты, которые получены при разработке в 2009 году международного проекта «Восприятие населением новых независимых государств истории и постсоветского периодов». В Беларуси за эти исследования отвечала социологическая лаборатория «Новак». В этом же году данная лаборатория в кооперации с Белорусским институтом стратегических исследований и инициативой «Будзьма» успешно занималась разработкой темы «Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?». Определенный интерес в контексте обсуждаемой проблемы представляет исследование, проводимое в 2012-2014 гг. кафедрами философии Витебского госуниверситета им. П.М. Машерова и Смоленского госуниверситета в рамках реализации совместного проекта по выявлению образов России и Беларуси у жителей приграничных регионов. Имеются и другие научные разработки, в которых затрагиваются интересующие нас вопросы (С.А. Кизима, Ю.В. Чернявская, П.Ф. Чередник и др.).

Остановимся на некоторых результатах, полученных в процессе изучения исторической памяти жителей Беларуси, в том числе, и в белорусско-российском приграничье. Так, при проведении социологического опроса респондентам различных возрастных категорий и уровней образования (Институт социологии НАН РБ, 2008 год, республиканская выборка 1147 человек) предлагалось дать оценку значимости ряду исторических событий и деятельности известных личностей по шкале «положительное – негативное», «вызывающее гордость – стыд и огорчение». Выяснилось, что самым

рейтинговым событием, которое вызывает чувство гордости за белорусский народ, является победа над фашизмом в Великой отечественной войне. Оценочная память о ней среди жителей нашей страны (в отличие от таких важных событий в истории Беларуси как, например, Октябрьская революция 1917 года, образование БНР и БССР, принятие Декларации о Независимости и Конституции Республики Беларусь и др.) является достаточно целостной и не порождает противоречивых интерпретаций. В массовом сознании и старшего, и молодого поколения она выглядит как тяжелейшее испытание белорусского народа, который проявил в это время свои лучшие ментальные качества, чудеса стойкости и героизма.

Укреплению таких представлений способствует весь официальный исторический дискурс страны. Огромный вклад в символизацию героики этого эпохального события вносит объединение двух главных государственных праздников – Независимости и Освобождения страны от немецко-фашистских оккупантов в один. Приданию символу Победы национального колорита помогает концентрация исторической риторики на подчеркивание особой роли белорусского народа в разгроме немецкого фашизма. И это дает ощутимые результаты. Как отмечает А.Л. Ластовский, «историческая память о Великой отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси» [3, с.93].

Для оценки персонального вклада известных исторических личностей в развитие белорусской государственности и культуры предлагались имена Всеслава Чародея, князей Витовта и Ольгерда, Ефросиньи Полоцкой, Франциска Скорины, Кириллы Туровского, Тадеуша Костюшки, Кастуся Калиновского, Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа, П.М. Машерова и др. Обнаружено, что наиболее положительно население Беларуси воспринимает историческую роль выдающихся просветителей Франциска Скорины (85%) и Ефросиньи Полоцкой (84 %). Причем их восприятие практически полностью лишено негативных коннотаций как у «отцов», так и «детей». Все это говорит о том, что именно данные исторические персоналии могут быть одним из важных объединительных символов, конституирующих национальную идентичность современных белорусов.

В данной связи отметим следующий факт. При проведении всероссийского конкурса «Имя России» победителями последовательно стали Александр Невский, Петр Столыпин и Иосиф Сталин. В Германии соответственно – Иоганн Гете, Мартин Лютер и Карл Маркс. Во время пребывания патриарха Кирилла в Витебске в 2009 году ему был задан вопрос: «Кого бы Вы назвали первым именем Беларуси?». После небольшого раздумья патриарх ответил: «Пожалуй, Ефросинью Полоцкую». К сожалению, для увековечения памяти выдающихся белорусских просветителей и популяризации их идей сделано недостаточно. В Польше, например, в каждом крупном городе, да и во многих населенных пунктах районного уровня, есть улица, названная именем Николая Коперника. А ведь наш земляк Франциск Скорина, личность и дела которого популяризируются не столь масштабно, как он этого заслуживает, ничуть не уступает по моще своего таланта гениальному польскому ученому. Так, белорусский философ Владимир Агиевич, который значительную часть своей творческой жизни посвятил расшифровке символики известной гравюры Скорины, пытается доказать, что «великий Полочанин» на эзотерическом языке (возможно, опасался гонений инквизиции) изложил основы гелиоцентрической системы мира. И сделано это было намного раньше Николая Коперника [5]. Не исключено, что это пока что интересная гипотеза, но знать ее было бы весьма полезно всем белорусам, особенно учащейся молодежи.

При исследовании специфики исторической памяти современной Беларуси выявлено крайне слабое знание ее жителями досоветского периода развития общества. И это касается не только старшего, но и молодого поколения, в том числе и студентов

белорусско-российского приграничья. Около 70% опрошенных на вопрос анкеты: «С историей какой страны, на Ваш взгляд, переплетается история Беларуси в наибольшей степени?» ответили – с Россией [4, с. 53]. То, что белорусские земли около 350 лет входили в состав ВКЛ, а затем 250 лет являлись частью Речи Посполитой, для них осталось незамеченным. Это обстоятельство должно настораживать, ибо слабое «знание жителями Беларуси истории своей страны до начала XX века можно трактовать как «чистую доску», которая может быть заполнена сконструированной памятью...» [3, с. 98].

На пустом «историческом поле» при соответствующей идеологической обработке, особенно в кризисные времена, может взойти весьма опасный «синергетический-аттрактор». Наполнение его с помощью новейших политтехнологий деструктивной социопсихологической энергией масс в состоянии круто изменить траекторию общественного развития. Яркий тому пример – события в соседней Украине, в которой за относительно короткое время с помощью переписанных учебников истории и активной работы СМИ удалось создать в лице России образ врага украинского народа во все времена его существования.

Символы антироссийской направленности в принципе можно сконструировать и в Беларуси на материале таких эпизодов ее истории, как, допустим, известная битва под Оршей, походы князя Ольгерда на Москву, восстание под предводительством Т. Костюшко, казнь в Вильно К. Калиновского, репрессии «белорусских нацдемов» в 30-е годы XX века и др. В соответствующих социально-политических условиях и активной пропагандистской «раскрутке» они могли бы самым негативным образом повлиять на интеграционные процессы Беларуси и России. Поэтому взятый курс двух государств на всестороннее единение братских народов, конечно, если это, как говорил известный политик, задумано «всерьез и надолго», нуждается в обстоятельном историко-идеологическом обеспечении. Особую роль здесь должны сыграть школьные и вузовские учебники истории. Разработчики медийного проекта «Союзный вектор: образ России и Беларуси в учебниках гуманитарного цикла» исходят из правильной установки: «Чтобы быть эффективным, Союзное государство должно опираться на прочный исторический фундамент, лишенный недоговоренностей и ложных стереотипов...» [6].

При реализации совместного белорусско-российского научно-исследовательского проекта «Образы России и Беларуси в контексте приграничья как специфической социокультурной реальности» (2012-2014 гг.) проводился контент-анализ белорусских школьных и вузовских учебников по истории. Была поставлена задача выяснить, не способствуют ли они, как это произошло в Украине, появлению в молодежной среде русофобских настроений, или, по меньшей мере, не свойственна ли им прозападная ориентация? Поводом для такой постановки вопроса явилась статья белорусского историка А. Гронского [7]. В ней обращено внимание на один интересный нюанс. Речь идет об особенностях позиционирования в учебных курсах истории Беларуси и всемирной истории государств, частью которых до 1991 года являлись белорусские земли, на «свои» и «чужие».

Подмечено, что если белорусы проживали совместно с русскими (Российская империя, Советский Союз) или даже однозначно являлись одним народом (Древняя Русь), тогда эти «общие» государства не рассматриваются в белорусских учебниках как «свои». Когда же белорусы жили в одном государстве совместно с балтами-литовцами, украинцами или поляками, но отдельно от русских (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая), тогда такое государство рассматривается именно в курсе истории Беларуси, т.е. является «своим». Если столицей государства, в которое входила современная территория Беларуси, являлись Киев, Москва, Санкт-Петербург, такое государство воспринимается как «не своё». А вот когда столицей были «нерус-

ские города» (Вильно, Варшава), тогда государство представляется как «своё». В итоге, как замечает автор, у потребителей подобной информации формируется убежденность в том, какие государства были для белорусов чужими. Эти представления затем переносятся на современные межгосударственные отношения.

Российские эксперты сняли эту озабоченность. После изучения белорусских учебников истории, которые отражают точку зрения официальной историографии и государственной идеологии, они сделали следующие выводы. Во-первых, в них отсутствует националистическая истерия и антироссийская риторика в изложении и интерпретации основных исторических периодов и событий. Во-вторых, не подтвердилась идея, о «прозападной» ориентации историко-дидактического материала: большинство событий с участием России оцениваются либо положительно, либо нейтрально. В-третьих, хоть и спорными, но вполне объяснимыми являются стремления белорусских историков найти истоки белорусской государственности в глубокой древности. Все это, как заметили эксперты, «должно свидетельствовать о вполне здоровых процессах развития национального самосознания и самоидентификации. Тем более, что это делается с оглядкой на исторические факты, без резких оценок и эмоций, взвешенно и в то же время критично, что так свойственно белорусскому характеру и менталитету» [4, с. 47]. Ими же было отмечено, что поскольку Россия является огромной многонациональной страной с необычайно сложной и богатой историей, то возможно она «заслуживает отдельного изучения в курсе именно всемирной истории» [4, с. 42].

Сказанное, конечно, не означает, что белорусские учебники истории, как впрочем, и российские, не нуждаются в содержательном и структурном совершенствовании.

В процессе строительства Союзного государства, передним краем которого является белорусско-российское приграничье, также очень важна согласованная государственная политика в области культуры, обладающей такими мощными инструментами воздействия на сознание и подсознание людей, как печатные СМИ, телевидение, Интернет и др. Их роль, равно как и роль всей системы исторического образования, в формировании адекватной исторической памяти двух братских народов и защите ее от «идеологической коррозии», чрезвычайно велика. И каким бы в итоге по своему типу и форме не оказалось создаваемое Союзное государство, да и будет ли оно построено в ближайшей перспективе – в принципе не столь уж и важно. Главное – сохранить от разрушения общий генокод культуры, который, в конечном счете, является основой духовно-нравственного единения народов двух суверенных государств.

Список использованной литературы

1. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния [Электронный ресурс] / Ж.Т.Тощенко // Новая и новейшая история – 2000, № 4 – Режим доступа: [http // vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM](http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM). – Дата доступа: 23.10.2016.
2. Сыров, В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования /В.Н.Сыров// Вестник Томского государственного университета. История. - 2013. № 1 (21). – С.183-190.
3. Ластовский, А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой/ А.Л. Ластовский // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. № 4(102). – С.88-99.
4. Образы России и Беларуси в контексте приграничья: монография – Смоленск: Изд-во СмолГУ. – 2013 – 236 с.
5. Агіевіч, У.У. Сімволіка гравюры Скарыны / У.У.Агіевіч // Беларуская навука. – Мінск, 1999 – 319 с.

6. В МГУ обсудили российские и белорусские учебники истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urokiistorii.ru/print/2846>.
7. Гронский, А. Какими функциями наделена история в Белоруссии /А. Гронский [Электронный ресурс]. URL: www.rusedin.ru/2012/07/30/kakimi-funkciyami-nadelena-istoriya-v-belorussii-iii. 15.

МНОГОГРАННОСТЬ ФЕНОМЕНА СЛАВЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

О.Л. Сташкевич

г. Минск, Институт философии НАН Беларуси, stashkevich.olha@rambler.ru

Цель статьи – анализ феномена славы как сущностного свойства сознания и поведения личности.

Ключевые слова: слава, чувство исторической памяти, патриотизм, гражданственность.

Слава как сложный многоаспектный феномен, являющийся одним из сущностных свойств сознания и поведения личности, редко является предметом самостоятельного изучения, рассматриваясь, как правило, вскользь, контекстно, неразрывно от изучения других личностных характеристик. В последние годы исследователями изучаются психологические и социологические основы данного феномена (Л.Е. Гринин), публичный капитал личности, популярность личности (Т.В. Иовлева, В.Ю. Ямбушев и др.), разрабатываются представления о славе с позиций гражданских, семейных и личностных суждений о ней (И.А. Калинина, Л.Б. Шнейдер).

В первую очередь, необходимо определиться с понятийным аппаратом. Что такое «слава»? С какими другими феноменами она состоит в «родстве»? Слава малоизученный феномен, практически не представлен в современных энциклопедических изданиях, но определение данного понятия можно найти в толковых словарях белорусского и русского языков.

В толковом онлайн-словаре «Скарнік», разработанном на основе пятитомного академического словаря 1977–1984 гг., издававшегося под редакцией К. Крапивы (К. Атраховича), понятие «слава» имеет пять значений: «шырокая, ганаровая вядомасць, усеагульнае прызнанне чыіх-н. заслуг, гераізму, таленту і пад.», «вядомасць у якасці каго-н., у якіх-н. адносінах», «агульная думка аб кім-н., рэпутацыя», «чуткі, размовы, погаласка» [1].

В толковом словаре Даля понятие «слава» раскрывается более подробно: «слава – как кто слывет, прослыл в людях, молва, общее мнение о ком, о чем, известность по качеству; слух, молва вообще, вести, говор; похвальная молва, общее одобрение, признание достоинства, заслуг; самые почести, хвала по ним; хороший, отличный, доброго качества; славить себя, хвалиться, превознося заслуги свои» [2].

Словарь Ушакова дает следующее толкование славы: «1. Почетная, широко распространенная Известность, как свидетельство всеобщего и безусловного признания чыіх-н. высоких качеств, общественных заслуг, дарований и т.п. 2. Слухи, молва, толки. 3. Общепринятое мнение, отзыв, репутация (как в хорошем, так и в дурном смысле). 4. Известность в качестве кого-чего-н.» [3].

Итак, в понятии «слава» можно выделить несколько основных сущностных составляющих, характеризующих данное понятие достаточно полно. Характеристика понятия «слава» в каждом из словарей начинается с определения, что слава – это по-